

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ ФОЛЬКЛОРНОГО ПРОЦЕССА

Философия и теория культуры полагают главным смыслом XX века диалог культур и лежащее в его основании диалогическое мышление [1, с. 5]. Понятие «диалог» – знак принадлежности к бахтинской философской традиции диалогического мышления как оппозиции мышления монологического. Отказ от романтического монолога и монолога первого поколения русских символистов в пользу «соборности», «хора», «хорового действия» есть отказ от антропоцентрического «я» во имя «ты еси» и восстановление «я» в «ты», в «другом» [1, с. 83]. Мы разделяем понимание Бахтиным бытия как диалога – сосуществования и взаимодействия. Диалогичность в широком смысле понимается нами как особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями.

В рамках постбахтинской научной традиции В.С. Библер рассматривает большой диалог как диалог культур, монолитных культурных блоков, постоянно способных актуализировать свой смысл и формировать свои новые смысловые пласты [4, с. 169]. Осуществляется этот «большой диалог» в сознании человека, в его микродиалоге через образы культуры, их со-бытие и взаимоосвещение [1, с. 5]. В связи с этим представляется закономерным приложить понятие «большой диалог» к феномену и процессу дрящемуся, становящемуся в результате влияний, пересечений, сосуществования, сопряжения, единения или синтеза. В рамках нашего исследования мы предлагаем рассмотреть в качестве подобного феномена фольклорный процесс. Под **фольклорным процессом** мы понимаем *постоянный диалог с внешней средой (действительностью, текстами, сознанием), а также непрерывный процесс активизации народного сознания в рамках существующей культурно-религиозной парадигмы с целью выражения и описания существующего мировоззрения и вербального закрепления его в определенной жанровой форме.* Это самосознание фольклорного процесса, воплощенное в слове и порождающее диалогичность фольклора в целом, образуется на пересечении культур и картин мира, активно входящих в поле диалога. Постигание глубинного смысла фольклора позволяет именно под этим углом зрения – философских и мировоззренческих интуиций – провести исследование фольклорного процесса в условиях диалога культур. В свою очередь это ведет к необходимости углубить понимание целостности и сложности фольклорного процесса в его динамике, расширить и показать связи фольклора с культурологией, философией, искусствоведением и таким образом ввести понятие «фольклорный процесс» в мировое культурное и научное пространство. Идея соборности в русской философии, идея синтеза как принципа культуры, идея полифонизма в литературе – все данные аспекты проникнуты атмосферой диалога и являются параметрами диалогизма.

Ю.М. Лотман, исследуя противоречивость русской культуры, предпринимает описание ее в терминах бинарных оппозиций. В своей итоговой работе «Культура и взрыв» он выделяет культуры с тернарной структурой, где между полюсами бинарных оппозиций существует некий третий элемент, сглаживающий противоречия между полюсами оппозиций и не позволяющий взрыву захватить всю структуру, и культуры с бинарной структурой, где между полюсами оппозиций отсутствует третий элемент. Поэтому все противоречия в таких культурах решаются через взрыв. Ю.М. Лотман отмечает: «Тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы. Напротив того, идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками. Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал» [7, с. 258]. Русскую культуру Ю.М. Лотман относит к бинарной.

А.С. Ахиезер считает, что встречающиеся в литературе попытки делить культуры на дуальные и триарные не имеют сущностного смысла, ибо организационная основа культуры всегда дуальна. Однако всякая дуальность существует для того, чтобы в процессе диалога и взаимодействия порождать некое третье. Это третье, некий новый смысл, возникает в результате медиации, которая осуществляется в сфере «между» полюсами дуальной оппозиции [2, с. 373].

Принятие христианства как новой религии и нового видения мира в данном контексте можно рассматривать как попытку разрушить старый мир до основания, а затем на его руинах строить новый в рамках бинарного типа культуры. Отказ от язычества, многобожия, устоявшихся традиций и норм и переход к христианскому мировоззрению – это ли не есть «осуществить на практике неосуществимый идеал», по Лотману. История, запечатленная в трудах Б.А. Рыбакова, Ф.И. Буслаева и других исследователей, красноречиво описывает практику установления подобного идеала, стремившегося к полному уничтожению всего существующего «как запятнанного пороками». Однако в реальности, несмотря на исторически закрепившееся в русской культуре противостояние третьему, срединной культуре, в период христианизации Руси отмечается наличие, так называемых, переходных элементов, стремящихся приспособить идеал к реальности. Как отмечает академик Ф.И. Буслаев, новая религия далеко не сразу вытеснила язычество, между двумя периодами народной идеологии была эпоха двоеверия [5, с. 11]. Эта периодизация для Буслаева не столько хронологическая, сколько стадийная, демонстрирующая этапы становления мировоззрения славян. Сложившаяся ситуация обращает наше внимание на сферу «между» –

традиционную народную культуру, которая вынуждена сосуществовать между двумя полюсами культуры, выполняя роль медиатора и одновременно порождать некий новый смысл.

В качестве примера рассмотрим феномен «народной Библии», в которой отражается восприятие библейских событий с позиции мифопоэтического сознания носителей традиционной культуры устного типа. Приведем несколько дискурсивных рассуждений о сотворении людей и загробной жизни: *«Як сьвет завёўся: Бог выйшаў, жмэньку ўзяў зямлі, як дунуў, так народ і выйшаў. І ўзяў Ён ту зямлю перад етым, перад Ражством. Ну вот. Тады Ісус Хрыстос радзіўся»* [3, с. 16]. *«Многа запісак на цябе ўжо. Чорт сабе піша, а Бог сабе піша. Еслі ты нагрэшыла, то ў чорта будзя большы. А тады, як прідзеш у рай, то чорт свае бумажкі сюды, а Бог свае і ічытаюць, у каго большы. Чорт радуецца. Каб у яго было больша. Калі ў чорта будзя больш бумажак, то пойдзеш з ім у некла. А што там у некле? Агонь гарыць, аж кішаць такія...»* [3, с. 142]. События Священного Писания переосмысливаются и моделируются с точки зрения антропоцентризма и анимизма, дополняются сказочно-мифологическими элементами и образами, начинают восприниматься как прецедент современного положения событий в мире [3, с. 4]. Народная Библия как разновидность народной прозы демонстрирует нам сферу «между», сосуществующую между двумя полюсами: народная Библия – не альтернатива канонической Библии, а адаптация канонических библейских текстов в культуре устного типа, одна из важнейших составляющих народного христианства.

Хотя народной культуре свойственна амбивалентность, необходим поиск присущих ей медиационных элементов, которые позволили бы противостоять инверсионному варианту решения возникающих в ней противоречий. Для выявления таких элементов в свою очередь необходимо изучение наиболее универсальных и фундаментальных констант.

Мотив чуда рассматривается нами как культурная универсалия [6]. Отсюда так важно выявление этого мотива в различных жанрах фольклора, в связи с чем основной источниковедческой проблемой оказывается корректность сопоставления различных по жанрам фольклорных произведений. Мы остановимся на дискурсивной народной прозе и приведем примеры, каким образом мотив чуда, являясь универсальной константой, реализует медиальную функцию.

Согласно языческому представлению, чудо – то, чему можно «чудиться», т.е. удивляться, будь то дерево необычной величины, камень необычной формы, нерегулярное космическое событие вроде затмения солнца или луны и т.п. Чудо – всякое явление, кое мы не умеем объяснить, по известным нам законам природы. В древности как к чуду относились к двум явлениям – рождению и смерти и считали их двумя ликами большого космического Чуда появления неких вещей. Подобные представления укоренились в народном сознании: *«Чудо – реальная действительность нашего мироздания. Даже то, что мы дышим, ходим, разговариваем – это чудо»*, *«Чудо – что-то необычное, выходящее за рамки обыденной жизни»*, *«Чудо – что-то необыкновенное, доброе»*, *«Цуда – гэта дабро, тое, што дапамагае жыць»*, *«Цуда – нараджэньне дзіцяці. Даць чалавеку жыцьце – сапраўднае цуда»*, *«Чудо – это люди и их способности, умение дышать, например...»*, *«Мы все обладаем чудесными навыками, просто не осознаем, что наши способности необыкновенны»*. Вместе с тем мотив чуда является составной частью христианского миропонимания

и литературы, где чудеса признаются проявлением божественной силы и превосходства над природой (чудесное рождение Христа, его чудесные деяния, воскресение и т.д.). Само понятие чуда предполагает существование Бога или иных высших сил, являющихся причинами чудесного события: *«Цуда – калі мы адчуваем прысутнасць Бога сярод нас»*, *«Сапраўдныя цуды апісаны ў Бібліі, напрыклад, стварэнне свету»*, *«Цуда – гэта Бог, яго любоў да людзей і дапамога ім»*, *«Чула, што ёсць ў Беларусі некалькі цудоўных ікон, якія памагаюць людзям у самых цяжкіх сітуацыях»*.

Чудо в собственном смысле имеется в виду, когда предполагается существование Бога или иных высших сил, являющихся причинами чудесного события. В результате, концепция чуда как победа Божественной воли над природой и «естеством» выступает в качестве *медиатора*, примиряющего начала, позволяющего увидеть преемственность языческой и христианской культур, а сам мотив чуда выполняет *медиальную* функцию в диалоге язычества и христианства.

Итак, «большой» диалог состоит из диалогов частных: диалога различных картин мира и культур в их мироощущенческом аспекте, диалога религиозно-философских идей, диалога целостных художественных образов, воплощающих те или иные смыслы культуры. В рассматриваемом нами «большом» диалоге язычества и христианства отчетливо звучат голоса каждой культуры, создавая совершенно новый и оригинальный пласт народной культуры.

Список литературы:

1. Азизян, И.А. Диалог искусств Серебряного века / И.А. Азизян. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
2. Ахиезер, А.С. Труды / А.С. Ахиезер. – М. : Высш. школа, 2006. – 480 с.
3. Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах / уступ. артыкул, уклад. і камент. А.М. Боганевай. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2010. – 166 с.
4. Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В.С. Библер. – М. : Знание, 1991. – С. 167.

5. Буслаев, Ф.И. О народной поэзии в древней русской литературе / Ф.И. Буслаев // Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. – СПб., 1861. – С. 4.
6. Жегало, А.В. Чудо как константа культуры: к постановке проблемы / А.В. Жегало // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі : зб. арт. Вып. 5 / пад нав. рэд. Р.М. Кавалёвай. – Мінск : Бестпрынт, 2008. – 265 с.
7. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М. : Гнозис, 1992. – 272 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ